

— А-Ци...

Из уст Чжан Цилина вырвался едва слышный, хриплый шёпот, полный невыносимой боли.

Как он мог забыть?

Как он посмел... забыть А-Цы!

Он ведь... обещал А-Цы.

Что бы ни случилось, он никогда не забудет его.

Эта мысль вонзилась в самое уязвимое место его сердца, словно смазанная ядом игла, взвихрив запоздалое, пришедшее лишь спустя сто лет раскаяние и лютое самобичевание, готовое сокрушить его целиком.

Возвращение памяти принесло с собой не только образы и звуки, но и неотделимые от них живые чувства.

Он вспомнил, с какой серьёзностью давал то обещание, вспомнил, как в глазах того человека на миг вспыхнул огонёк, тут же скрытый за привычной насмешкой, и вспомнил собственную наивную уверенность в тот момент — детскую решимость, будто бы способную противостоять любым насмешкам судьбы.

А затем — забвение, раз за разом.

Он видел, как при каждом перезапуске круговорота, охваченный пустотой, отвечал на обращенный к нему знакомый и тёплый взгляд чуждой настороженностью и отчуждением.

Он видел, как тот человек снова и снова пытался приблизиться, и как он сам каждый раз собственноручно отталкивал его.

Он видел, как свет в глазах этого человека сменялся угасанием, а затем оседал в глубине — тихим, затаившим боль спокойствием, похожим на привычку.

Каждое забвение было жестоким надругательством над тем обещанием.

Каждое отталкивание — новым ударом по никогда не заживавшей ране.

И он... позволил всему этому повторяться столько раз.

Древний холод за Вратами Бронзового Зеркала казалось пропитал его до мозга костей, Чжан Цилин опустил ресницы, скрывая бушующую в глазах боль.

Сцепленные кончики пальцев были ледяными и слегка дрожали.

— Маленький Цилинь, не хочешь ли ты отыскать маленького писю? — вновь раздался голос воли мира, но на этот раз в нём прозвучали детские нотки.

Перед глазами Чжан Цицина собрался мягкий свет, и из ниоткуда появился малыш — писанный красавчик лет пяти-шести, словно выточенный из фарфора.

На нём были старинные чёрные одежды с красно-белой отделкой, а на макушке торчали два круглых пухлых пучка-гульки, к каждому из которых был привязан крошечный золотой колокольчик. Стоило ему склонить голову набок, как раздавался нежный и чистый серебристый звон.

В глазах Чжан Цицина мелькнуло едва заметное недоумение. Глядя на это чрезмерное милое «первоначало», он нерешительно произнёс:

— ...Воля мира?

Малыш усердно кивнул, колокольчики на его причёске зазвенели, и он ответил детским голоском, но с совершенно серьёзным видом:

— Да, это я.

Задрав личико, он сверкнул золотистыми глазами и снова спросил — в его тоне проскользнуло неуловимое воодушевление:

— Маленький Цилинь, давай я пойду с тобой искать маленького писю, хорошо?

Маленького писю?

Значит ли это... А-Цы?

Ресницы Чжан Цицина едва заметно дрогнули, и он молча уставился на малыша, назвавшегося волей мира.

На световом экране сцена, где миниатюрная версия воли мира и Чжан Цилинь пялились друг на друга во все глаза, заставила пространство, еще мгновение назад погруженное в тяжелую атмосферу, внезапно замереть в странном оцепенении.

Младшие члены семьи Чжан: «.....»

У Чжан Хайсиня рот раскрылся так, что туда спокойно поместилось бы куриное яйцо, а палец дрожа указывал на световой экран:

Э-э-это... что такое?..

Он тужился добрую половину минуты, но вторую половину фразы вымолвить так и не смог.

У Чжан Хайкэ задергался уголок глаза, и он машинально потер переносицу.

Даже для выдавших виды членов семьи Чжан эта картина была чересчур невероятной.

Воля мира — это малыш с двумя хвостиками? И он зовет главу клана «маленьким Цилинем»? А дядю Цзи — «маленьким писю»?

Се Юйчэнь тоже замер — даже его мрачное настроение немного рассеялось от столь неожиданной смены тона.

Он перевёл взгляд на Хей Яньцзюня, и в его глазах читался вполне очевидный вопрос: «Слепой, это... как-то связано с тобой?»

Брови Хей Яньцзюня за стеклом темных очков взлетели высоко вверх, а на лице впервые промелькнуло подлинное изумление.

Он прожил на свете столько лет, но тоже впервые видел волю мира в таком обличье.

Маленький писю?

Это прозвище... Он потрогал подбородок, глядя на экран со странным выражением в глазах.

У Саньсин и У Эрбай и вовсе растерялись: в их головах всё еще роились мысли о бессмертии, интригах и предательстве, как вдруг объявилась воля мира, да еще и в образе ребенка. Объем информации оказался настолько огромным и диким, что они полностью утратили контроль над выражением лиц, умея теперь только бессмысленно пялиться перед собой.

Хо Сяньгу выглядела предельно сурово, её взгляд был прикован к золотым колокольцам на макушке малыша и его черному одеянию.

Панцзы широко разинул рот, а спустя мгновение толкнул в бок сидевшего рядом У Се, и его голос прозвучал как-то отрешенно:

— Т-Тяньчжэнь... Мне что, мерещится? Этот малой... зовет Сяо-гэ «маленьким Цилинем»? А Черного — «маленьким писю»?

У Се находился в полном тумане и ничего не ответил.

Ему казалось, что выстраивавшаяся у него в голове больше двух десятков лет картина мира за эти несколько мгновений разрушалась и собиралась заново снова и снова, превратившись теперь в сплошной хаос.

Сяо-гэ — это «маленький Цилинь»? А Хей Яньцзюнь — «маленький писю»?

Тогда кто же он сам?

Он растерянно посмотрел на экран, где этот пугающе юный, но источающий странное могущество «малыш» стоял перед ними, а затем перевёл взгляд на крепко сцепленные руки Сяо-гэ и Хей Яньцзюня, чувствуя, что всё происходящее до абсурдного нереально.

А другой участник событий, оказавшийся в эпицентре всеобщего внимания — Хей Яньцзюнь, после минутного замешательства вдруг тихо рассмеялся.

В этом смехе слышалось и понимание, и неизбежная, смиренная мягкость.

Он примерно догадывался, в чем дело.

Облик воли мира по определению мог меняться по желанию, и эта форма «малыша», возможно, была проявлением некоего стремления к близости и «детскому» состоянию.

Ну а прозвище «маленький писю»... Он почесал висок: ладно уж, всяко лучше некоторых других «ласковых прозвищ».

Сам Чжан Цилинь, глядя с экрана на этого малыша, по-прежнему сохранял бесстрастное выражение лица, но ледяной холод и боль, сгустившиеся вокруг него из-за тяжелых воспоминаний, казалось, немного отступили от столь наивно-детской интерлюдии.

Он молчал, словно пытаясь переварить эту внезапную новую форму воли мира.

Малыш в роли воли мира, казалось, ничуть не смущался всеобщего шока. Он по-прежнему задира голову, с надеждой глядя на Чжан Цилина, и маленькие колокольчики издавали тихий звон при каждом его легком покачивании головы, ожидая ответа от «маленького Цилиня».

Кто бы мог подумать, что воля мира способна обернуться пухлым малышом!

Это выглядело одновременно фантастично и странно... «мило».

<http://bllate.org/book/20900/2112997>